

Логика трансформаций политических институтов: предварительные замечания

Political institutions transformation logic: preliminaries

Равочкин Н.Н.

канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарно-правовых дисциплин Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Ravochkin N.N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Law and Humanitarian Disciplines Department, Kuzbass State Agricultural Academy
e-mail: nickravochkin@mail.ru

Аннотация

В статье автором представлен ряд предварительных замечаний для понимания заинтересованной аудиторией логики идейной детерминации политических институциональных трансформаций. Проводится обращение как к становлению общества как такового вообще, а также представлены основания социально-политической дифференциации, которые определяют целостность и функциональность властных структур, что позволяет создать фундамент при решении заявленной проблемы. На основе анализа литературы автором определены и обозначены признаки доновременных политических институтов. В качестве методической составляющей проиллюстрирована зависимость трансформации политических институтов от динамики мировоззренческих оснований в эпоху Античности и Средневековья. Аргументировано, что руководство разумом при организации власти в Новое время приводит к генезису качественно нового типа социальности, в котором Европа маркируется как центр перемен и прообраз современного институционального устройства. В заключение автор определяет, что анализ существующих политических институтов как образований смещается к постижению сообществ в координатах мест и пространств (полей) бытия субъектов.

Ключевые слова: политические институты, трансформация, власть, идеи, социальная реальность, общество, Европа, философия, управление, дифференциация, история.

Abstract

In the article, the author presents a number of preliminary comments for understanding by the interested audience the logic of the ideological determination of political institutional transformations. An appeal is made to the formation of society as such in general, and the foundations of sociopolitical differentiation that determine the integrity and functionality of power structures are presented, which helps to create the foundation for solving the stated problem. Based on the analysis of the literature, the author identifies and marks the signs of modern political institutions. As a methodological component, the dependence of the transformation of political institutions on the dynamics of worldview foundations in the era of Antiquity and the Middle Ages is illustrated. It is argued that the leadership of the mind in organizing power in modern times leads to the genesis of a qualitatively new type of sociality, in which Europe is marked as a center of change and a prototype of the modern institutional structure. In conclusion, the author determines that the analysis of existing political institutions as entities shifts to the comprehension of communities in the coordinates of places and spaces (fields) of the subjects' being.

Keywords: political institutions, transformation, power, ideas, social reality, society, Europe, philosophy, management, differentiation, history.

Проблема трансформации политических институтов приобретает значимость для современного социально-философского дискурса. Важной проблемой здесь представляется тот факт, что «возрастает фактор неопределенности, стихийности и нестабильности общественного развития» [14, с. 75]. К причинам, подталкивающим исследователей к изучению данной проблемы, также необходимо отнести потребности социального праксиса, поскольку проведение анализа позволит определить векторы организации новых политических форм организации общежития за счет приоритетности политики над другими сферами общественной жизни. Кроме этого, обращение к проблематике институтов помогает выявить не только их устойчивые формы для конкретного общества и основные этапы развития заявленного объекта исследования, как и обнаружить интеллектуальные основания формирования принципиально новых принципов государственного управления. Отсюда считаем, что имеет смысл рассмотреть развитие трансформаций политических институтов в исторической ретроспективе, начав с эпохи дофеодальных варварских племен.

В научных публикациях отмечается приверженность к историко-антропологическому подходу в понимании сущности властных отношений в дофеодальных обществах [8]. В рамках данного подхода сформировалось предположение о том, что ведущую роль в обществе играют свободные граждане. Данный тезис подчеркивает возможность понимания развития и трансформации политических институций и влияния на их развитие множества факторов, одновременно подтверждая доминирующую роль человека. Одновременно с этим выявленное положение допускает возможность существования в обществе несвободных людей, т.е. находящихся в подчинении. Тем самым, в рамках данной системы «труд несвободных» оказывается второстепенным и находится на периферии.

Группе свободных людей в дофеодальном обществе присуща определенная дифференциация, основанная на нескольких признаках:

- возраст: по причине необходимости прохождения индивидом определенных этапов инициализации;
- пол: данный критерий связываем с неравенством в гендерно детерминированных занятиях, в которых задействованы мужчины и женщины. Это существенным образом влияло на формирование политической структуры общества, когда рассматриваемые институты представляют собой исключительно маскулинные образования. Так, в трудах Э.Э. Эванс-Притчарда о ранних обществах отмечаются патерналистские нормы, означая, что именно мужчинам (хотя бы по причине физического превосходства) принадлежит политическая власть;
- принадлежность к знатному роду, который традиционно связывается с выполнением функции управления (вдобавок к сакральной функции). Здесь стоит оговориться, что формирование политических институтов на основании данного признака требует уточнения в части определенного сочетания критериев для установления принадлежности индивида к власти. Так, в трудах Платона мы обнаруживаем, что только определенная группа людей (философы с ярко выраженным превосходством в разуме перед остальными двумя группами) может быть правителем. Продолжая эту логику, Аристотель указывает, что выполнение властных функций должно принадлежать далеко не всем гражданам, но относящихся к аристократическому классу (такое основание формирования властных институтов в четырех из шести форм, выделяемых Стагиритом правления);
- приближенность человека к лицам, реализующим властные и другие, считающиеся престижными для данного общества, функции;

- наличие личных заслуг (особый акцент на военных успехах). Помимо этого, в работах социальных антропологов (Р. Бейтс, Э.Э. Эванс-Причард) уточняется, что построение первобытных обществ основано на ценности крупного рогатого скота и доминировании на пастбищах. Результатом становится возникновение столкновений, в которых существенно возрастает роль наиболее выдающихся воинов. Проиллюстрируем это цитатой О.М. Дюсуше: «каждое племя нуэров и отдельные кланы имели свои собственные пастбища и водные источники, а политика была тесно связана с распределением этих природных ресурсов. Споры между отдельными кланами постоянно случались из-за крупного рогатого скота, и компенсацией за потерю здоровья и жизни людей являлся скот. Роль арбитров в конфликтах, связанных со скотом, или в ритуальных ситуациях <...> исполняли вожди» [6, с. 118]. Как видим, решение различных вопросов становится прерогативой института вождизма, набирающего значимость в первобытных обществах;

- имущественная дифференциация. Богатство оказывалось критерием и средством для оказания влияния на общество, используя механизмы так называемой «престижной экономики» [3, с. 46]. В данном случае речь идет не только о непосредственных богатствах как благах, но и о престиже рода деятельности.

В результате обозначенные нами признаки приводят к формированию исторически первых сложных дифференциаций не только самого общества, но его политической сферы. Институты власти обретают целостную и функциональную структуру. С.А. Васютин отмечает, что в качестве основных направлений социальной эволюции в дофеодальных обществах можно признавать связанные с ростом властных полномочий «служивой власти» (власть конунгов и их окружения) [3]. Это приводит к письменному закреплению статуса знати. Здесь коренятся и природа трансформаций социальной структуры общества, и четкое описание статуса власть имущих, и конкретные обособления социально-политических структур. Как следствие, происходит смена статуса власти как таковой. Перемены охватывают два этапа:

1. Организация управления в племенах, где власть принадлежит нескольким должностным лицам и институтам. Обладающие властью политические субъекты исполняют ее на определенных территориях, имея в своем распоряжении некоторый круг помощников. При этом данные должностные лица (к примеру – старейшины) входят в так называемый отдельный совет (к примеру – Сенат при Цезаре), «заседания» которого предшествуют народному собранию. Статус таких должностных лиц определяется как «руководитель семейно-кланового коллектива». При этом все эти должностные лица подчиняются «гражданскому» руководителю, функции которого исполняются королем.

В результате мы видим, что происходит разделение властных функций, в основе которого лежит четкое распределение политического статуса и исполнения обязанностей конкретным лицом, что сказывается на формировании его положения в обществе, обретении соответствующих прав и обязанностей. Формируется форма управления, основанная на разделении функций между различными субъектами власти. К наиболее существенным признакам такой власти Васютин относит: «классовые принципы управления; разделение гражданской и военной власти; опора военной власти на дружину и стремление к автономии, распространение ее компетенции на клан (племя) только в военное время; отсутствие "пирамиды" власти, ее "горизонтальный" характер (нет лиц, возвышавшихся над другими участниками управления); в распределении прибавочного продукта доминирование реципрокации (горизонтального распределения) над редистрибуцией (иерархическом вертикальном распределении)» [3, с. 49] (примечание автора – убрана нумерация С.А. Васютина).

2. Формирование и становление более устойчивых вторичных вождеств, при котором в качестве характерных свойств мы формулируем следующие:

- надлокальный уровень интеграции (реализация принципа властвования над всей подконтрольной территорией);

- наличие правителя, на котором сосредоточивается выполнение функций гражданского и военного лидера (формирование образа современного главы государства, единолично и при помощи государственного аппарата управляющего всем вверенным ему социумом);
- иерархическая система принятия решений и с первыми формами институтов, контролирующая выполнение властных решений (продолжая логику предыдущего пункта – формирование единой системы власти и разделения властей как прототипов современных политических систем);
- образование четкой социальной стратификации с выделением политической группы, функции властвования которой в последующем закрепляется на основании этнической принадлежности;
- обретение властью социокультурных функциональных ориентаций, обеспечивающих более устойчивые связи с населением;
- сакрализация власти.

Отметим, что данные признаки являются следствием авторского анализа доновременных институтов. Отсюда следует, что справедливо предполагать и другие признаки, ставшие принципиально новыми основаниями формирования политических институтов и положившие начало появления их современных форм. Последующее социальное развитие подразумевает переход от потестарных форм политических институтов к раннегосударственным формам. В таких государствах одним из существенных признаков является существование политической власти, представители которой имеют право на узаконенное, легальное применение силы.

В эпоху Античности философия как новый вид мировоззренческих оснований теоретизирует политические системы и институты. Здесь следует указать на феномен демократического общества. Суть демократии, по мнению А.В. Зберовского, «скрывается не только, и не сколько, во внешних признаках, не в самой (техничко-организационной) форме организации власти, сколько в общественном сознании граждан, в их образе жизни и стиле политического мышления» [7, с. 254]. Для нас это значит, что оформление демократии в Античности напрямую связано с развитым древнегреческим мышлением и особенностями менталитета. Налицо результаты институциональных трансформаций участия граждан в политическом процессе государства.

Особенности полисного устройства предполагают его дефиницию. В качестве определения данного понятия придерживаемся следующего: «территориальная гражданская община, которая, эволюционируя из позднеродового общества в классовое, в условиях, характеризующихся давлением «первичных» государств Востока и милитаризацией, в целях самосохранения была вынуждена создать в себе механизм контроля за собственным развитием, свернула процессы классово- и политогенеза и вернулась, в определенной степени, к традициям родового равенства» [7, с. 255]. Приверженность позиции Зберовского оправдана тем, что в античных полисах устранена сама возможность классовообразования. В то же время в рамках полисной системы принципиальным оказывается вопрос о том, кто контролирует ресурсы общества. Положение ресурсов как раз и фундирует формирование «характера» будущего государственного устройства. По сути, в античном социуме политическими институтами утрачивается функция решения проблем по поводу возникающих социальных противоречий и господства одних страт над другими, сохраняя при этом функции организации и упорядочения общественной жизни.

Важным основанием для институциональных трансформаций в эпоху античности становится принцип агональности, утверждающий «соревновательность» в политической сфере жизни общества и государства. Общеизвестно, что античные культура и мировоззрение предполагали игровую модель построения политического, которая не предполагает постановки вполне определенной цели. Такой подход к сущности агональности позволяет сделать вывод, что политические институты предполагают

вечность соревновательности ради достижения вечных истин. К слову данный принцип первоначально был заложен античными философами в их стремлении постичь закономерности мироздания, а его проявление в сфере политического в очередной раз подтверждает фундаментальность философского знания. Таким образом, данные интеллектуальные основания определяют принципы конкретных политических институтов.

К примеру, Платон и Аристотель приходят к выводу о том, что политическими институтами достаточно часто монополизирована власть, а также право на социальное управление, которое совершенно никаким образом не обуславливается личными характеристиками или заслугами перед обществом [12, с. 207]. Отстранение масс от властных полномочий и одновременная борьба за власть между гражданами, которые не способны быть мудрецами, составляют основу вечности, выраженной через агональность борьбы за власть. Полагаем, что здесь и скрыто объяснение негативного для Аристотеля характера демократии. Это вполне логично: если большая часть людей отстранена от власти, то одновременно она отстранена и от возможности достижения счастья. По Аристотелю, из этого следует, что нормальное существование и функционирование государства предполагает наличие у власти «отца», желающего одинакового счастья всем индивидам.

Последующие трансформации политических институтов связываются с динамикой мировоззренческих оснований, что приводит нас к господствующей в средневековом обществе религии. В то же время можно утверждать, что в этот период наблюдается так называемая оппозиция двух властей – светской и духовной: «оппозиция церкви, власти пап, с одной стороны, и монархии, власти королей, с другой, центрировали напряженность политического пространства средневековой Европы. И именно в горизонте данного противоборства утверждался и оттачивался дискурс власти как таковой» [4, с. 61]. О.Э. Душин отмечает факт, что только юридический закон в значении акта-документа, но не прецедента, применительно к конкретной государственной системе должен являться основанием политической власти, а само его исполнение гарантируется силовыми методами [5]. Такой подход к правоприменению позволяет реализовывать комплексные задачи в административном и общеполитическом смысле.

В целях разработки систем правовой регламентации и их институционального оформления во властных структурах требуются сформулированные интеллектуальные основания через соответствующие социальные структуры, функции которых определяются их профессиональными навыками. При этом сети мыслителей и образовательные организации оказываются социально родственными образованиями, фундируя и вербализуя идеи через различные связи. Ж. ле Гофф применительно к рассматриваемому периоду увязывает развитие университетов с развитием техники государственной службы [11].

Мы видим, что трансформация политических институтов Средневековья происходит на трех основаниях:

- появление образованных людей (интеллектуалов), которые впоследствии через интересубъективность влияют на формирование данной сферы общественной жизни;
- законодательные акты, зафиксированные в соответствующих письменных источниках, что позволяет регламентировать взаимоотношения в определенных сферах;
- осуществление «посреднических» функций между различными социальными группами и особенно между светской и церковной властями.

Однако современный способ формирования политических институтов в собственном смысле этого слова приходится на начало эпохи Нового времени (премодерн). Конечно, у читателя может возникнуть вопрос по поводу того, что в начале работы уже был сделан акцент на современном понимании этих институтов в период уже самых первых древних государств. Однако стоит обозначить собственную позицию, в соответствии с которой мы полагаем, что первые институты еще были подвержены

влиянию мифологических и религиозных оснований. На наш взгляд, и это мы отмечаем – те институты, функционирование которых мы наблюдаем в развитых государствах, берут свое начало в период перехода Европы от традиционалистского общества к индустриальному [13].

Однозначное принятие разума за основу организации властных структур и способов ее трансляции также подтверждает качественно новый этап европейской социальности как центра перемен [2]. Рациональность становится основанием, в том числе и для дисциплинирования человека, она начинает входить в систему моральных норм и правил, даже на этом уровне регламентируя человеческое поведение. Если мы обратим внимание на трансформацию политических институтов, то обнаружим, что в социально-философских концепциях новоевропейской мысли (Ж. Боден, Дж. Вико, Т. Гоббс, Г. Гроций, Дж. Локк) утверждается принудительный характер политических институтов. Речь идет о том, что в идеях представленных мыслителей статус и функции каждого из нововременных институтов фактически закреплены теми или иными нормативно-правовыми актами. С одной стороны, это лишней раз подчеркивает рационализм их положения как в институциональной системе государств, с другой – делает легитимным принуждение, заложенное в их функционирование.

В саму эпоху модерна понимание трансформаций политических институтов приводит нас к утверждению, что с усложнением современности нарастают и структурные изменения, касающиеся положений и форм реализации сущности. Классический институционализм (концепции до рубежа XIX–XX вв.) утверждал, что функционирование политических обеспечивается, в том числе, и за счет аппарата принуждения, который посредством санкций «программирует» поведение людей согласно конкретным правовым нормам. Непосредственно в XX столетии складывается так называемый «обновленный институционализм», легитимность оказывается конгруэнтной массовому сознанию, но не правовым нормам [9]. Здесь можно указать, что область политического как институционального, так и нормативного, сводится не к существованию определенных институтов, а к определенному психологическому их восприятию.

Что касается властного воздействия сегодня, то оно осуществляется совершенно не механическим внешним принуждением, но скорее принципами привлекательности (Ж. Бодрийяр). В то же время политические институты реализуют свою сущность через знание о мотивах и способах человеческого поведения (М. Фуко). Третьим аспектом можно полагать утверждение, что подчинение субъекта происходит не по причине его принуждения, а по той причине, что имеет привычку совершать определенные типичные действия, которые он совершает изо дня в день. Такими действиями становятся социальные практики (П. Бурдьё). Поэтому постмодернистские практики сосредоточиваются на когнитивной основе политических институтов, реализуемой через приведенные в данном абзаце практические рутинные действия.

Исходя из этого, анализ сущности политических институтов перемещается от анализа существующих как политические организации образований к постижению сообществ в координатах полей как мест и пространств бытия субъектов. При этом в таких подходах политический институт понимается как «относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощенный в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями» [9, с. 209]. Из этого следует, что институты существуют исключительно на основании формальных правил, поддерживающих правила игры, по которым они существуют.

Одновременно с этим следует отметить, что развитие техники и технологий привело к переходу общества в «постиндустриальное» (обозначив и ряд векторов его будущих форм: информационное, цифровое, общество риска и др. [10]), существенно

трансформировав сферу политического. По этому поводу Е.В. Алдошенко замечает, что «благодаря информационно-коммуникационным технологиям формируются и получают распространение инновационные модели организации политической коммуникации, многие из которых очевидно более эффективны, нежели традиционные системы политической коммуникации и управления» [1, с. 54]. Из этого следует, что политические институты трансформируются из области политических в собственном смысле этого слова в область политико-экономических, которые позволяют достаточно серьезно расширить сферу влияния политического института на каждого политического субъекта.

Таким образом, сегодня основными принципами политической организации можно полагать: индивидуализированный и персонализированный характер мотивации взамен групповой; популяризация гаджетов, опосредующих информационное влияние; сопряженность авторитета, популярности и узнаваемости политических субъектов с использованием различных площадок СМИ; трансформация роли интеллектуалов в консультанты, предоставляющих идеи на предмет социально-политических аспектов развития государств; повышение значимости информации; трансформации революционных политических практик, выходящих и в электронное поле.

В результате настоящей работы были представлены некоторые общие аспекты, скорее являющие некие предварительные замечания, касающиеся логики трансформаций всего множества сущностей и форм политических институтов. В зависимости от господствующих интеллектуальных оснований каждая историческая эпоха по-своему определяет способы институциональной организации и реализации политической власти, формируя определенный тип власти в конкретном обществе и государстве, напрямую увязываясь с уникальностью его ресурсов и контекста.

Литература

1. *Алдошенко Е.В.* Трансформация общественно-политических институтов в информационном обществе // Социум и власть. – 2013. – № 5 (43). – С. 53–57.
2. *Васильева А.С.* Трансформация феномена власти в новое и новейшее время // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 75. – С. 1085–1099.
3. *Васютин С.А.* Основные этапы трансформации политически структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху великого переселения народов и раннее средневековье // Средние века. – 2007. – Т. 68. – № 4. – С. 34–65.
4. *Душин О.Э.* Средневековые университеты и формирование языка власти // Записки Горного университета. – 2005. – Т. 163. – С. 61–63.
5. *Душин О.Э.* Средневековые университеты: у истоков европейского высшего образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – № 2. – С. 26–31.
6. *Дюсуше О.М.* Лекция «Институциональные модели государства» // Journal of Institutional Studies. – 2012. – Т. 4. – № 2. – С. 112–127.
7. *Зборовский А.В.* Агональность античной полисной демократии как способ нейтрализации опасных тенденций, имманентно присущих власти // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2006. – № 11. – С. 254–262.
8. *Крадин Н.Н.* Перспективы политической антропологии // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 78–91.
9. *Кокорхоева Д.С.* Современные исследования институтов политической власти (сравнительный анализ теорий) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2010. – № 7 (78). – С. 208–217.
10. *Литвак Н.В.* Информационное общество: перманентная эволюция. – М.: Колос, 2008. – 416 с.

11. *Ле Гофф Ж.* Другое средневековье: Время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 328 с.
12. *Прохорова Г.А.* Социально-политическая и этическая онтология субъекта власти в античной философии // *Kant.* – 2018. – № 2 (27). – С. 205–209.
13. *Равочкин Н.Н.* Переход Европы от средневекового общества к индустриальному: социально-философский анализ // *Социодинамика.* – 2019. – № 6. – С. 123–130. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.6.29908 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29908
14. *Чернышов А.Г.* Современное российское общество в поисках идеологии развития и элиты // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.* – 2012. – Т. 12. – № 2. – С. 75–79.